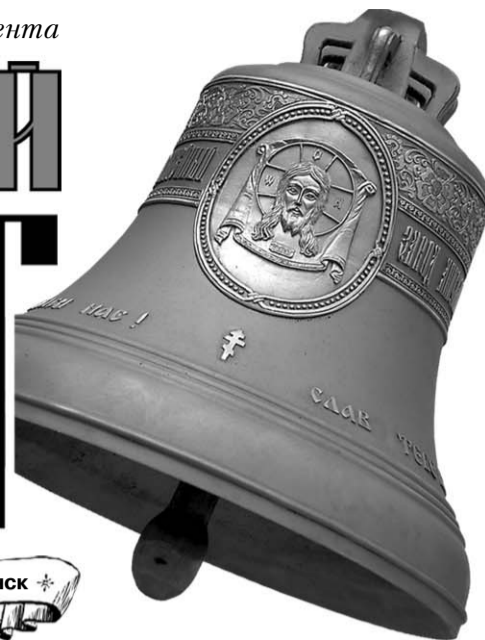

ТИХОНОВСКИЙ ВЯЗГОВОЕСТ

№3 (195) 2020

Приходской вестник храма святителя Тихона, Патриарха Московского и Всероссийского, г. Обнинск

выходит с января 2004 г.

Осиротевший человек посреди терний земных и собственных страстей пытался уничтожить всякий образ, возводящий ум к Человеколюбцу, пытался задушить всякий проблеск мысли о райском блаженстве. Он стал умерщвлять воспоминания о Боге, о Его прекрасном лице, светлом взоре, об ангельских голосах, шуме крыльев, райских благоуханиях, вкусе небесных плодов, короче — всякую любовь в своем сердце.

Однако, увы, весь мир продолжал напоминать ему о Боге. Об утраченных дарованиях, о любви вышеестественной, о свете не вечернем, об утраченных чаяниях. И тогда человек, осатанев от злобы, принялся убивать Бога. Сначала убил Его в себе, до идолопоклонства лобызая материю глухую и слепую, перерезав в своем духовном организме все световые артерии, погружаясь в небытие, играя со смертью, предаваясь самым бешеным страстям.

Затем стал умерщвлять Бога в природе. Всё напоминало ему о Боге. Каждое щебетание птиц напоминало ему о рае. Поэтому он умертвил птиц, заткнул уши для их песнопений. Все цветы уязвляли его, напоминая о безконечном саде любви. Поэтому он умертвил цветы, с неописуемой яростью и ненавистью выкосив или вырвав их с корнем. Детская улыбка разрывала ему сердце, поэтому он убил и детей. Умертвил их детство, научив их лгать, красть, ранить и убивать. Он засорил и закопал всю природу в погоне за комфортом и энергией, ведь у него больше не было ни райского покоя, ни нетварных энергий небесной благодати.

Затем принялся убивать Бога в себе подобных. Сначала убил

С самого начала истории человек, отпавший от рая, старается умертвить Бога. С самого грехопадения присутствие Бога было невыносимой раной для человека лукавого и убийцы. Оно становилось преисполненным боли и негодования воспоминанием о потерянном рае, оно становилось внутренним взрывом человека, когда он думал, каким красивым и хорошим он был, оно становилось скрежетом зубным при мысли об утраченных объятиях Отчих, в которых Адам, преклонив голову на грудь Отца, слушал удары Божия сердца.

БОГА НЕЛЬЗЯ УМЕРТВИТЬ

наивного Авеля, потом всех, кто не был его племени, колена, религии, расы и т.п. Так появились войны: из необходимости умертвить Бога. Однако Бог был так далеко, так высоко и так недоступен для человека из грязной персти, что он стал умерщвлять образ Божий в людях, которых встречал. Отсюда пошла человекоубийственные идеологии, расизм, эпидемии, изобретенные в лабораториях, аборт с миллионами младенцев, химикаты, разрушающие всё под тем предлогом, будто они лечат, аптеки с синтетическими кошмарами, таблетки от жизни и особенно от жизни вечной.

А Бог всё упрямялся, продолжая жить, ведь Он жив вечно. И тогда человек стал убивать себя сам в каждое мгновение смерти, именуемой жизнью, чтобы уничтожить образ Божий в себе. Совесть, вина, боль после совершения убийства — всё это невозможно вырвать из глубины человеческой души иначе как самоубийством. Отсюда и эвтаназия, наркотики, предлагающие удовольствие взамен на время жизни, депрессия вследствие отсутствия Бога и т.д.

Из сумерек истории воссиял на земле Сам Бог, чтобы рас-

сказать нам о новом доме, новой жизни, новом гражданстве, вечном — о Царстве Небесном. А человек — догадаетесь? — умертвил Бога, соделавшегося Человеком. Придумывал всякие хитрости и увертки, качал головой при виде чудес, затыкал уши, чтобы не слышать живодательных слов, закрывал глаза при виде множества исцелений, нашел «рациональные объяснения» для всей вселенной чудес жизни Христовой. Затем с ненавистью, копившейся с самого рассвета истории, умертвил Его. Однако Христос воскрес из мертвых, вознесся на небеса и привлек человечество, пораженное смертью, к Себе через Свое Тело воскресшее, которое есть Церковь.

Бога нельзя умертвить. Силась убить Его в себе, мы убиваем себя. Изгоняя Его из своей жизни, мы выбрасываем себя из бытия, ведь мы — одушевленная персть. Стараясь забыть о Его любви, мы погружаемся в абсолютное забвение, именуемое адом.

И всё равно Бог, священный Зов вечности, приходит каждый раз, когда мы Его зовем, даже если знает, что мы Его потом убьем. Он так близко, что нужен только один помысл, чтобы Он пришел и даровал нам покой. Руки, протянутой нищему, достаточно, чтобы Он взял нас за руку и вытащил из глубины. Улыбки, подаренной незнакомцу, довольно для Него, Создателя, чтоб улыбнуться нам втайне. Кусочка хлеба, отданного несчастному, — и Он подаст нам Хлеб жизни, Тело Свое Евхаристическое, Причастие. И нам не нужно ничего, кроме слезинки боли и покаяния, чтобы увидеть Его, плачущий Свет миру.

Священник
Иоанн Валентин Истрати

Кто я? Мы не видим себя. Как лошадь в тройке, которой наложили шоры на глаза, все скачет и скачет вперед, не оглядываясь, так и мы, не оглядываясь, несемся в безумном порыве, пытаясь все успеть и сделать. Сделать все, что касается нашего земного пребывания. И у нас такие же шоры, как у лошади. Только мы надели их себе сами. И эта зашоренность не дает нам увидеть самих себя, свою греховность.

Но вот наступает Великий пост, и все шоры отпадают. И что мы видим?! «Червь, а не человек», — сказано слишком изысканно, интеллигентно. Пожалуй, червем я себя не вижу. Не всякий червяк вызывает отвращение, а по снятии шор, когда смотришь на себя, преобладает именно отвращение.

Кто там высокоумно изрек, что пост заключается не в еде? Да,

Кто я есть? Это главный вопрос Великого поста. Мы пытаемся на него ответить на Великом каноне, вдумываясь в слова молитвы Ефрема Сирина, подходя к исповедальному аналою и скрестив руки на груди в ожидании Причастия.

«КТО Я ЕСТЬ?» — ГЛАВНЫЙ ВОПРОС ВЕЛИКОГО ПОСТА

конечно же, не в еде! Однако неядение тут служит неким договором, что ты подписываешься на великопостные страдания вместе со всей воинствующей Церковью. «Поприще добродетелей отверзся, хотящи страдальчествовати внидите, препоясавшися добрым поста подвигом: законно бо страдальчествовавши, праведно венчаются», — поет

Церковь в последний день перед началом Великого поста. Слышите: «желающие пострадать»!

Вся Церковь совокупно села на корабль и пустилась в плавание, и соблюдение внешнего режима воздержания — это лишь билет на судно. И как только тыходишь на борт, сразу начинаются чудеса и скорби. Ты можешь соблюдать в полноте

уставной пост или нет, но сразу с началом Великого поста Господь дает тебе новые состояния сердца. То, что было всего пару дней назад, что теперь отделено границей Прощеного воскресенья, все становится другим.

Как будто раньше ты шел в тумане, и вот — туман рассеялся. И первое, что ты видишь: это самого себя, покрытого язвами. То, что

не воспринималось грехом еще вчера, сегодня колет и душит, каждое пустое слово, выполняющее изо рта, начинает тебя судить и распинать. Если вчера словесным грехом было лишь осуждение, гнев и злословие, то теперь каждое слово издает зловоние и мучит душу, поскольку открывает всю нашу черноту и безумие.

И только войдя в храм, чувствуешь, что пришел домой. Конфликт между храмом и миром всегда тлеет, но во время Великого поста он разгорается необыкновенно. Недаром в последний день перед началом поста мы вспоминаем изгнание Адама из рая. «Седе Адам тогда и плакася, прямо сладости рая, рукама бия лице, и глаголаше: Милостиве, помилуй мя падшаго», — поет Церковь в этот день.

Продолжение на стр. 2

Окончание. Начало на стр. 1

Несчастный Адам, наслаждавшийся Богообщением, внезапно оказался обманут и обворован диаволом, изгнан из Отчего дома и в тоске и отчаянии «плакал горько». Он видел, ощущал, опытно знал сладость рая, поэтому и плакал. Мы не знаем ее опытно, но лишь как сквозь «тусклое стекло», ощущая благодать Божию, только догадываемся о ней. И постоянно сталкиваясь с жестокостью мира, еще более тоскуем о потерянном рае. И храм для нас становится подобием утраченного рая. Может быть, начальный возглас Литургии «Благословенно Царство» и об этом говорит тоже? Он говорит нам о существовании таинственного Царства, прорывающегося к нам посредством Евхаристии, но в то же время это и тоскующий крик сыновей Адама, рыдающих об утраченном рае...

Великий пост велик во всем. В первый день поста сначала чувствуешь себя немного потерянным. Просто удивительно: как это так, еще на прошлой неделе ты мог спокойно в рабочей суете не завтракать и не обедать и только поздно вечером наскоро «клюнуть» бутерброд и юркнуть в постель, не заметив особых приступов голода, — и вот наступил первый понедельник поста, ты еще не «оголодал», что случится ближе к Пасхе, но уже начинается голодная брань. В другие дни в это время ты ни за что и есть-то не захочешь, а в пост — уже с утра голод. Причем приступы голода подкрадываются незаметно: вот был как будто сыт, и тут раз — безумное желание вкусить пищи! Если полчаса продержишься, не уступишь желанию — голод уходит и есть не хочется. Человек голодный всегда голоден, а тут ты вроде и голоден, а вроде и нет. Так познается сверхъестественный характер голода и обнаруживается действие бесовского духа.

Брань — главный признак поста. Поэтому пост ничего общего не имеет с диетой. Когда человек начинает воздерживаться ради Христа, он тут же включается в реальность иного порядка. И в этой реальности все имеет значение и вес.

Каждый поступок влечет за собой другой. Грех тут же тянет за собой вразумление, подвиг — новое испытание. По сути, это сорокадневный марафон. Каждый день бросает тебе вызов, и, отвечая на него, ты познаешь, кто ты есть. Острие этого вопроса режет нас на куски. Кто я: жалкая

сладострастная скотина или христианин? Что я могу ради Христа? Как далеко я могу пойти ради Богоугождения? Речь тут не идет о совершенном неядении или стоянии на камне. Речь о совершенном трезвении и постоянном бодрствовании в своем сердце.

И тут, как ни крутишь, не уйти от вопроса молитвы. Молитва — это колокол Великого поста. Встаешь утром и, пока сонный дурман еще не вышел из сознания, начинаешь потихоньку раскачивать язык этого колокола: «Святой Боже, Святой Крепкий,

мешает разглядеть в себе собственную духовную ущербность.

Великий пост — великий разрушитель. Можно строить какие угодно планы до начала поста и рисовать себе благочестивые картинки, как ты его проведешь. Но начинается Четыредесятница — и все планы руются. Может быть, потому что Господь не хочет, чтобы реализация нашего плана возвела нас до небес на самолете гордости? Может быть, Ему более угодно направить наш самолет в штопор, вдрызг нас разбить вместе с нашими плана-

Ему одному приносятся все чувствования нашего сердца. Чтобы выселить из гостиницы всех нежелательных постояльцев, чтобы все лишние персонажи растворились в небытии, нужно положить «дверь ограждения» при очах и ушах; чтобы сердечная клетка была чистой для Господа, необходимо еще и «хранение» устам, чтобы через пустословие не расплескать внутреннюю тишину.

Мы часто говорим, что Великий пост — весна духовная, время жизни. Но христианство упорно твердит нам, что жизнь может

проводят многие часы, умерщвляя себя для всего противного главному устремлению их жизни. Шестичасовые тренировки каждый день — чем не аскетика? А муки рождения произведения искусства, когда писатель или художник не спит ночи напролет, чем далеки от монашеских бдений, когда в сердце преподобного отца в муках рождается дар благодати Святого Духа?

Аскетика должна быть и в миру. Если ее нет, то наше христианство вырождается в кисель, в протестанство, в фарисейство. Аскетика — это не только и не столько воздержание от скоромного во всех его видах. Это безконечное исследование своего сердца, изгнание греховных прилогов, постоянное «хождение пред Господом». Это труд, который требует постоянного покаяния. И, по слову одного молитвенника, это постоянное покаяние рождает непрестанную молитву.

«Покаяние рождает молитву, и в сугубом количестве рождается от дщери своей»: эти слова — девиз Великого поста, начертанный премудрой рукой святителя Игнатия (Брянчанинова).

Этот самый труд и ненавистен диаволу, и именно его в итоге и отрицают все современные «облегчители» постовой практики, потому что труд этот невозможно подъять без воздержания и молитвы. Постоянное следование по пути покаянной молитвы — и есть аскетическая смерть христианина, заключение себя в гроб своего сердца с надеждой на Пасхальное воскресение.

Поэтому можно сказать, что Великий пост — это великое испытание. И если человек достойно его проходит, то соделывается великим.

Великий пост — это сжатая, как пружина, в семь недель вся наша христианская жизнь. Говоря современным языком, это трейлер нашей веры. И если даже в Великий пост мы не можем внимательно молиться, воздерживаться и бодрствовать, то как мы молимся и о чем думаем в обычные дни?

Не упустим, братия и сестры, это спасительное время! Оно коротко. Пружина будет сжатой недолго. Трудись, трезвись, молись на всякое время. Изживай грехи из себя. Грядет Пасха Христова, которая просветит и облагодатит приготовленных.

Священник Сергей Бегиан

«КТО Я ЕСТЬ?» — ГЛАВНЫЙ ВОПРОС ВЕЛИКОГО ПОСТА

Святой Безсмертный...» Бум-бум-бум. Это благовест. Трезвон еще впереди. Сначала слова отскакивают, как от стены горох, но ты с упорством пытаешься достучаться до собственного сердца и разгрызть его дебелую броню: «Владыко, прости беззакония наша, Святой, посети и исцели немощи наша...»

Каждое «Господи, помилуй» в пост становится особенным. Каждое «Господи, помилуй» обличает и хочет раздавить, ибо снято уже покрывало с души, ты вышел из тумана и ничто не

ми, чтобы разбитые части визжали всё то же «Господи, помилуй», но уже со слезами на глазах»?

Наш ум и наше сердце — большая гостиница. И в них есть место для всех и вся. И за множеством героев разных фильмов, книг, житейских ситуаций теряется одинокая фигура Христа. Поэтому в пост мы стараемся максимально ограничить доступ к своему сердцу для кого бы то ни было. На период Великого поста наша сердечная гостиница забронирована Спасителем. Он один должен царствовать в нашем уме,

полностью войти в свои права лишь после смерти. Православие говорит, что Пасха — это подлинная жизнь, воссиявшая из гроба. Поэтому нужно сделать неотвратимый вывод, что Великий пост — это время смерти. Умереть для греха — вот конечная цель и поста, и вообще всей нашей жизни.

И не нужно возражать, изгоняя аскетика из мира в монастырь! Есть, есть аскетика и в миру, даже не христианского характера. Мы ведь восхищаемся достижениями спортсменов или мастертвом музыкантов, которые

КАК НУЖНО ЧИТАТЬ

Что бы ни читал человек, он читает Евангелие. Пусть эта мысль не кажется ни дерзкой, ни наивной. Впрочем, она и дерзка, и наивна одновременно, потому что она истинна. Христос в Откровении Иоанна назвал Себя Альфой и Омегой, Началом и Концом. Альфа и омега — это первая и последняя буквы греческого алфавита. И надо же, чтобы Слово Отца и Премудрость Божия добровольно вместила Себя полностью в рамки алфавита и, как камень оправой, ограничила Себя буквами первой и последней! Между альфой и омегой, включая их самих, всего 24 буквы. И все богатство мира внешнего, а также богатство мира внутреннего, человеческого, может быть закодировано при помощи самых разных сочетаний этих 24 малых знаков. Мало того — и Сам Господь, однажды воплотившийся от Девы,

вновь воплощается, но уже в письменных знаках, поддается записи. Теперь можно думать, что всё записанное буквами человеческими не далеке от Бога. Всюду, где есть альфа и омега, беты и гаммы; всюду, где есть текст, — должен быть и Христос.

Один знакомый человек, физик по образованию, окончил курсы, позволяющие преподавать Закон Божий. Но работает по-прежнему в школе учителем физики. Его спрашивают: «Что ж вы Закон Божий не преподаете?» Он отвечает: «Как же! Преподаю». — «Так вы же физику преподаете!» — «А это чей закон? Разве не Божий?»

Физика, без сомнения, есть Божий Закон. И химия, и биология, и география тоже. К любой книге о природе могут быть эпиграфом слова: «Взгляните на птиц небесных» (Мф. 6: 26) или «Посмотрите на полевые лилии, как они растут» (Мф. 6: 28). Почему бы учебники астрономии не надписывать словами из псалма: «Когда взираю я на небеса Твои — дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» (Пс. 8: 4–5).

Таковы дела и с музыкой, и с математикой. Таковы дела с литературой и историей. И сказка о золотом ключике есть все та же притча о блудном сыне, только оформленная языком сказки. В эту притчу вообще рискует поместиться вся великая литература, где есть и утрата себя, и стремление вернуть утраченное счастье. Да и как не вместились в эту притчу доброй половине литературы, если вся жизнь отдельного человека и всего человечества в нее вмещается?

Есть люди, не умеющие собирать грибы. Они их просто не видят. Опытный грибник идет следом за неумелым новичком, и у него полное лукошко, тогда как у новичка пусто. Так же и с литературой. Прочешь книгу — это все равно, что в лес сходить. А вот понять книгу — это значит вернуться домой с грибами: с лукошком собранных смыслов. Кто, к примеру, не читал «Мертвые души» Гоголя? Но многие ли из читавших поняли, что они имели дело именно с мертвыми душами? То есть с душами, которые по дару Творца бессмертны, однако же умирают своей особой смертью, если отлучаются от Бога и живут вне Его о них замысла. Или «Ревизор» того же Гоголя.

Хлестаков ничтожен, но возведен на неслыханную высоту (на кратчайшее время) страхами измаравшихся в грехах людей. Таков механизм поклонения Антихристу и всякого временного торжества грандиозных обманов. А между тем, настоящей Ревизор есть, и Он близ, при дверях. «Ревизор» — это книга, говорящая о Христе и Антихристе гораздо точнее и больше, чем одноименная трилогия Мережковского в тысячу страниц.

Чтобы возвращаться из леса с грибами, а не просто ходить в лес, нужно читать «много, но не многое». Так говорил древний: «не многое, но много». Именно так один из друзей моей юности и учил меня читать. Сам он прочитывал раза по три в год все те же «Мертвые души» и «Братьев Карамазовых». Эффект более действенный, нежели если бы он прочел всю «Британскую энциклопедию». Там ум растекался бы по всей Вселенной, а здесь заострился и закалился, не обременяясь фактами, но вырастая по сути. Много, но не многое. Это вполне относится и к Евангелию с Псалтирью.

Протоиерей Андрей Ткачев

И удивительно ли, что, знакомясь — поверхностно и во многом формально — с жизнью святых, мы если и воодушевляемся, то ненадолго, а главным образом — унываем, видя, какая пропасть отделяет нас от них, пропасть, представляющаяся совершенно непреодолимой? Ведь наша жизнь — далеко не прямая линия, не траектория непрерывного восхождения, и отнюдь не вся она наполнена светом. И нам очень трудно поверить, что возможное для них, братьев наших больших, — возможно и для нас, что и мы можем идти по их пути, что для святости есть место и в нашем сердце. Мы все время спотыкаемся на этой предательской мысли: мы и они — совершенно различны. Эта мысль заставляет во многих отношениях махнуть на себя рукой, а то и попросту опустить руки и ничего не делать все-таки: ни молиться, ни бороться, ни подвизаться, ни трудиться. Все вполсилы, вполнакала, формально и как бы не всерьез, просто потому, что «так надо», без веры в то, что все это возможно по-настоящему так же, как было возможно для «них».

Но нужно все-таки попытаться добраться до сути, до того, что не смогли показать нам авторы житий и что сами святые вовсе не собирались от нас скрывать; нужно постараться понять, действительно ли их путь был настолько ровным и гладким, действительно ли они были святыми по самой природе своей или становились такими «вдруг» — просто решив, что отныне они таковы. Конечно же, нет, ведь иначе получилось бы, что слова Спасителя: Царство Небесное силой берется, и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11: 12) — были бы обращены к кому угодно, но только не к святым. И заповедь Его: терпением вашим спасайте души ваши (Лк. 21: 19) — тоже была бы не для них.

Когда мы думаем о святых, то очень часто их жизнь представляется нам как непрекращающееся движение от земли к небу, восхождение от силы в силу, свет, однажды возгоревшийся и ни разу не угасавший. И даже когда речь идет о тех угодниках Божиих, которые обратились ко Христу после тяжких падений, а до того утопали в различных грехах и пороках, мы опять видим все то же: момент покаяния, принятие решения и затем неуклонное следование избранным курсом. В этом нередко убеждают нас сами их жития, в которых представлена лишь внешняя канва подвига, общая картина того, как шли они к своей заветной, самой главной в жизни цели. Жития, через которые нам никак не проникнуть в их внутренний мир, не узнать ни их радости, ни их боли, ни их слабости, ни того, как именно им удавалось ее преодолевать.

САМЫЙ ТРУДНЫЙ И САМЫЙ ВАЖНЫЙ ПОДВИГ

Зачем употреблять усилия и что терпеть, если все дается легко и просто? Но ничего просто не давалось святым, и терпеть самим себя им приходилось ничуть не меньше, чем нам.

Да, чаще всего об этом не рассказывают их жития, но свидетельствуют они сами — если только мы внимательно вчитываемся в их слова и стараемся понять и найти им применение в своей собственной жизни.

Когда преподобный Серафим Саровский говорит о том, что «добродетель не груша, ее сразу не съешь», он ведь основывается не на чужом опыте, а на своем. Значит, и он знает, что это такое: карабкаться вверх по гладкой поверхности скалы и соскальзывать с нее вниз, и вновь начинать свой путь.

И святитель Феофан Затворник, утверждая, что «первый предмет терпения есть терпение себя», своих немощей, ошибок, падений, сообщает не умозрительно постигнутую истину, а то, что узнал сам, ошибаясь, падая,

познавая свою немощность и ограниченность.

И преподобный Сисой, отвечая падшему брату на вопрос, что делать: «Восстань. И если снова пал, снова восстань. И так — до кончины твоей», — выработал такой универсальный рецепт, не за братьями наблюдая. И его этому научил, вне всякого сомнения, личный подвижнический опыт: лишь изведав, насколько ты сам слаб, можно научиться понимать чужую слабость, и не просто снисходить к ней, но и помогать преодолевать ее. «Лишь тот, кто был искушен, может и искушаемым помочь» (ср.: Евр. 2: 18).

Мне кажется, что именно это и является для христианина самым трудным и, в то же время, самым важным подвигом: падая, раз за разом вставать. Вставать, какими бы частыми ни были падения. Вставать, насколько бы они ни были тяжкими. Вставать и продолжать свое движение.

Это очень непросто, это требует огромных сил и огромного му-

жества. Когда опыт, казалось бы, неопровержимо свидетельствует: ничего доброго у нас не получается, и, сколько бы ни подвизались мы, все равно в итоге следует срыв и следует грех, — то как не разочароваться в себе окончательно, как не разувериться в том, что в попытках исправиться есть хоть какой-то смысл? Ведь не только опыт свидетельствует, но и враг то же самое нашептывает на ухо, ум наполняет помыслами смущающими, сердце отравляет этим горьким ощущением — ощущением собственной безнадежности.

Что ж... Разочароваться в себе, почувствовать, что лично ты безнадежен, не так уж и плохо — это, по сути, необходимый этап самопознания. Важно только помнить при этом, что спасение не есть дело рук человеческих, оно, в первую очередь, дело Божие и уже во вторую — наше. От нас — намерение, усердие, труд, уменьшение надежды на себя и умножение надежды на Него, а от Него — милость и любовь, по-

мощь, утешающая и исцеляющая нас благодать.

И до тех пор, пока мы не оставим подвига, до тех пор, пока готовы, падая, подниматься и идти, мы не безнадежны. Нас многое отличает от святых, тем паче от святых, живших много столетий назад. Мы гораздо слабее, гораздо сложнее, менее целены и при этом более горды и тщеславны. И, наверное, именно в этом причина того, что Господь не дает нам увидеть результаты наших трудов — даже тогда, когда они могли бы за этими трудами последовать: нам просто бесконечно вредно было бы видеть себя «хорошими», мы и так, будучи «плохими», находим, чем тщеславиться и чем гордиться. Поэтому и не чувствуем мы твердой почвы под ногами, поэтому разъезжаются они и не держат нас, поэтому так неуверенно и медленно мы движемся вперед. Поэтому и не преуспеваем.

Но это не отменяет, никак не отменяет непреложного закона духовной жизни: цели достигнет тот, кто решится идти до конца, тот, кто поверит, что Господь никогда не оставляет ищущих Его и стремящихся к Нему. Неважно, как оценивают нас люди, что думают о нас они; неважно, по большому счету, и то, что думаем о себе мы сами. Важно именно это: что бы ни происходило с нами, как бы далеко ни отходили мы от Бога, снова и снова возвращаться к Нему и с надеждой на Его милость вновь начинать подвизаться. Быть готовыми просить прощения и в сотый, и в тысячный раз точно так же, как первый: с искренней верой в то, что нет для Его любви ничего невозможного и Он, конечно же, вновь простит и примет нас.

И это точно так и будет оставаться — до тех пор, пока у нас будет сохраняться эта решимость и эта готовность: раз за разом полагать начало.

Игумен Нектарий (Морозов)

Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности. Говорю по рассуждению человеческому, ради немощи плоти вашей (Рим. 6: 18–19).

ГРЕХ И СВОБОДА

Почему святой апостол Павел говорит это? Потому что обычно мы путаем понятия греха, свободы и праведности. Плохо, если человек не свободен грешить в своей жизни. Потому что тогда он начнет думать, будто грех и есть свобода. Поэтому у нас должна быть свобода грешить, и мы должны предоставлять ее и другим.

Сам Бог предоставляет нам свободу грешить. Евангелие полно призывов вроде «кто хочет последовать Мне», «если кто хочет» (Мк. 8: 34; Мф. 16: 24). Свобода — это первостепенный элемент, на который ссылается Бог, потому что свобода — это Его образ в нас, и духовной жизни не существует без свободы.

Некоторые наивно спрашивают: «Если Бог знал, что человек падет, зачем же Он его создавал?» Зачем создавал? Чтобы он был свободным, чтобы он был Его образом! Бог радуется свободе человека больше всего и ничего в нем не любит больше свободы. Он никогда не нарушает свободу человека. Бог потому именно и любит, что Он свободен, и поэтому ждет и от человека, чтобы он тоже возлюбил Его как свободный. Потому что любить может только свободный.

Если ты боишься Бога, и чего-то еще, и еще чего-то — это уже состояние раба, говорят отцы. Это состояние не счастли-

вое, а такое, от которого человеку хочется избавиться.

Всё, что мы делаем в Церкви, совершается в синергии с Богом, то есть Бог говорит — и я говорю, Бог действует — и я содействую, само по себе ничего не делается. Это значит, что мы свободны. Духовная жизнь — это свобода, творчество, красота и еще раз свобода. А это значит, что я всегда могу совершить грех. У меня есть свобода грешить. Сказать «нет» Богу. Евангелие полно людей, сказавших Богу «нет». А потом они говорят огромное «да!», потому что уже прошли через свое «нет».

Наше право идти от плохого к худшему. И это очень важно. Нам надо понять, что у человека есть право (то есть свобода) совершить грех. Ты платишь и идешь куда хочешь. Потому что там есть то, чего ты хочешь. А не потому, чтобы Бог захотел, чтобы ты там побывал, и тем самым тебя наказывает. Бог не наказывает. Давайте будем точнее: не наказывает в том смысле, в каком наказываем мы. Мы себя наказываем сами, сами создаем себе проблемы и, что трагично, доходим до того, что начинаем считать грех свободой. И всё это потому, что никто не сказал нам о грехе и праведности чего-то другого.

У апостола здесь потому и сказано «говорю по-человечески», что вы сами не понимаете, что с вами происходит:

— Вы стали рабами праведности. Говорю вам это по-человечески, имея в виду вашу немощь, потому что вы понимаете это состояние как рабство, тогда как оно, на самом деле, не рабство. И дальше сразу же объясняет, почему это не рабство.

Иногда со стороны взрослых, Церкви, семьи на детей оказывается давление, и они вырастают с таким чувством, что они вынуждены делать то, чего не понимают. Но если ты чего-то не любишь, ты это бросишь, и если чего-то не понимаешь, ты это уже ненавидишь, а возненавидев что-то хорошее, ты захочешь греха. Иногда бывает лучше, чтобы человек что-нибудь бросил и заново открыл это для себя потом, когда оно станет для него важным. Как блудный сын, который в какой-то момент оказался далеко от своего отца и имел полное право на это.

Блудный сын ушел, а потом понял, что нуждается в отце, и решил: «Вернусь-ка я домой!» Он не то чтобы вдруг полюбил его, просто ему не хватало тепла и защиты. И вот он возвращается, но отец не говорит: «А, ты только сейчас возвращаешься назад? Сейчас, когда весь вымарался, возвращаешься?» Он не говорит ему ничего подобного. Потому что он уважает его свободу в данный момент. Свободу грешить, которая у него есть.

У Бога, однако, имеется свобода любить этого пропащего человека и оказать ему Свою любовь именно сейчас, когда он пал. Это нрав Бога, а наш нрав обычно не таков.

Бог не порабощает. Бог предоставляет тебе свободу делать, что хочешь, потому что только так ты можешь понять

эти великие истины, в противном же случае — насильно — ты их никогда не сможешь понять.

Следствием греха является смерть. Когда Дух Святой говорит: «Возмездие за грех — смерть», Он словно говорит тебе: «Посмотри, впереди на дороге яма». Он не говорит: «Смотри, ты обречен пойти по этому пути и угодить в яму». Нет. Бог — не какая-нибудь злая ведьма, которая гонится за тобой с дубиной, чтобы тебя наказать, Он не такой и не мог бы таким быть: если бы был таким, Он бы нас не интересовал, Он бы не смог бы Богом.

Очевидно, то, что мы называем жизнью, не совсем таково, как нам хотелось бы. Существует смерть, которая переодевается в жизнь, и существует жизнь, которая выглядит как смерть, но это жизнь. Крест Христов выглядит как смерть. В то время как он — жизнь. Он — способ понести ответственность за другого, чтобы потом все остальные вечно превозносили Тебя и любили. Но сначала это выглядит как смерть, и это трудно. Трудно нести другого на руках.

У Церкви есть путь — это путь святых, путь святого апостола Павла. Этот путь — здесь. Но апостол знает, кому говорит, он не заблуждается. Он знает, кому говорит. И это удивительно. Этот его ироничный тон лично меня вдохновляет: «Постарайся немного поработать себя праведности, потерять немного свободы, которая была у тебя раньше, чтобы посмотреть: а не будет ли так лучше?» И говорит это с иронией, потому что Бог таков. Бог говорит тонко. Бог никогда не говорит, грозя человеку пальцем, и не бьет по голове, а шлет ему мудрые предложения.

Священник Николай Людовикос

С Женей мы трудились вместе в областной газете и относились друг к другу с симпатией, хотя принадлежали к разным возрастным категориям: Евгений был старше меня лет на 25, опытнее, мудрее. Вообще, предшествующее поколение журналистов формировалось в условиях гораздо более жестких, нежели мы, акробаты пера эпохи возрождения капитализма. Жизнь научила старших товарищей проверять факты, прежде чем публиковать, аргументировать выводы и быть готовыми отвечать за свои слова. И если я в журналистике был скорее случайным человеком, то мой коллега, напротив, настоящим газетчиком, выбравшим работу в прессе осознанно и делавшим ее профессионально.

Работали мы с Женей в одном жанре, можно сказать: оба писали охотнее всего очерки о людях. Только я, в силу молодости и темперамента, строчил субъективные, эмоциональные зарисовки, а он — объективные, добротные статьи. Не боялся Евгений заступаться за людей через газету, отстаивать их права, иногда даже наживая неприятности на свою голову. Обостренное чувство справедливости у него было — так можно сказать.

Так как мы трудились сборщиками (собственный корреспондент) каждый по месту своего проживания — в разных районах, — встречались редко: только в редакции на общих собраниях. Поэтому я был очень рад, когда однажды Женя позвонил, что приедет по делам в наш райцентр и, ежели возможно, у меня переночует. Я встретил его на вокзале, мы поехали ко мне домой. Потом Евгений весь день ходил по каким-то своим делам, а вечером, когда вернулся, мы наконец сели за накрытый стол на кухне. Конечно, я поставил бутылку горькой, но Женя попросил:

— Слушай, можно я не буду водку пить?..

Поэтому злодейка с наклейкой отправилась на свое место в холодильник, а я стал разливать по чашкам чай.

Евгений сказал:

— Валер, ты уж извини. Ненавижу я ее... Вся жизнь моя под откос пошла из-за этой дрянки.

Я немного удивился. Не знаю, как сейчас, врать не буду, а в ту пору множество знакомых журналистов, если честно, поддавало хорошо. Это не упрек, не поклев — просто факт сам по себе. Но за Женей ничего такого не знал и спросил чисто из вежливости:

— Проблемы были с этим делом?

— Да не у меня лично. У сына. Ты, что, не слышал, какая у меня беда?

— Женя, прости: не в курсе. А что случилось?

— Посадили. Восемь лет...

Сын у меня сидит. Из-за пьянки... Посадили за убийство...

Он помолчал немного, взвешивая, видимо, стоит ли рассказывать, а потом продолжил:

— Жуткая история вышла. Он один у меня. Моя, наверно, вина, что упустил я сына. В общем, пить сынуля начал еще со школы. А после армии уже конкретно спиваться стал. Ни на одной работе не держался. Посто-

янно в какие-то истории влезал, а его вытаскивал. А из последней уже не в моих силах было...

Пили они летней ночью с двумя друзьями в доме — нежилом, заброшенном, на краю поселка. Мой вообще смутно помнит, как в это здание попал, его уже пьяного позвали самогонку откушать. А в помещении он после первого же стакана сразу вырубился и спал мертвым сном. Ребята веселились, шумели, песни пели. Кто-то из соседей вызвал милицию. Наряд приехал, всех упаковали. Но в соседней комнате оказался труп. Бомж какой-то убитый. Не из их компании. Все трое клялись, что понятия не имели о покойнике в доме: они в другую половину и не заходили. Однако судили их. Знаешь, я не думал, что так

Пили на кухне у нее в квартире чай — и разговаривали, разговаривали... Никогда не говорили о пустяках — зарплате, ценах, политике. Ни разу такого не было. Мы говорили о Пушкине, Моцарте, интересных книгах, новых театральных постановках...

Вот и в этот приезд я зашел к Татьяне Дмитриевне в гости. Она была очень рада меня видеть. Мы пили чай и вспоминали минувшие дни, работу в редакции, коллег и друзей. Татьяна Дмитриевна спросила:

— Валерушка, а ты слышал, какое горе у нашего Жени случилось?

— Да, знаю. Он был у меня в гостях как-то, рассказывал. Сын у него сидит. Вы про это?

— Постой, ты, вижу, не знаешь окончание этой истории! Сейчас расскажу.

«ТАНЯ, Я ВЕРЮ!»

все серьезно. Ну, алкаши они, ну, раздолбай. Но не убийцы же? До последнего полагал: суд окончится тем, что оправдают дураков наших. Приговор был как гром среди ясно-го неба! Одному дали 6, другому 4, а моему — все 8 лет.

Писали мы кассационные жалобы, пытались оспорить приговор. Но отказы получали в рассмотрении. В общем, сидеть моему сыну еще много лет. А я даже поддохнуть не могу себе позволить, потому что должен его дожидаться, как-то попытаться воткнуть на работу, помочь устроиться в жизни. А здоровья нет уже ни шута...

Жалко мне было коллегу страшно. Хороший человек, справедливый, порядочный. Я его знал всегда таким веселым, оптимистичным. А сейчас увидел — ссутулившимся, раздавленным, поникшим. Видел, что ничем не могу его утешить, поддержать. Сказал только:

— Женя, иди в церковь. Молись. Бог поможет.

Он ответил грустно:

— Валер, к сожалению, я атеист. Не верю совершенно. И рад бы Бога попросить помочь, но знаю, что Его не существует, а самого себя не обманешь...

Где-то несколько месяцев спустя после нашего разговора я приехал в областной центр. В прессе тогда уже не работал, но по старой памяти, бывая в городе, всегда заходил проведать свою бывшую наставницу, начальницу отдела писем — любимую мою Татьяну Дмитриевну. Она была моей крестной мамой в журналистике. Пра-пра-правнучка декабриста, интеллигент в десятом поколении, Татьяна Дмитриевна читала музыку по нотам, как я слова по буквам, разбиралась в опере и театре. Но при всем том являлась скромнейшим человеком, с огромным сердцем, добрейшей, отзывчивой душой. Вечно она всем помогала, о ком-то хлопотала, чьи-то проблемы решала. Во мне души не чаяла, называла меня Валерушкой и носилась со мной, как с каким-то хрупатым мальчиком. Встречаясь, мы не могли расстаться.

С полгода назад я встретилась с Женей на Пушкинской, он приехал по каким-то делам. Погуляли, поговорили. Он мне рассказал, как сына арестовали, судили, приговорили... Я ему сказала: «Женя, я не могу ничем тебе помочь. Но дам совет один. В эти дни у нас в городе проходят торжества по случаю прославления в лике святых святителя Иннокентия. Его мощи в раке сейчас выставлены в Успенском соборе, и каждый желающий может зайти и приложиться к ним. Когда прославляют святого, ему нужно молиться, и очень часто бывает, что по просьбам молящихся совершаются чудеса. Пойдем с тобой вместе в собор сейчас и помолимся святителю о твоём сыне».

И мы пошли в храм. Очереди не было, мы сразу подошли, приложились. Валерушка, как Женя молился! Он стоял на коленях перед ракой, упершись в нее лбом, и рыдал как ребенок... Из собора Женя ушел на вокзал, а я пошла домой.

Миновало месяца три. Иду я в магазин за продуктами как-то раз. И вдруг слышу крик: «Таня! Я верю!» Оборачиваюсь — Женя бежит ко мне и кричит на всю улицу, так что прохожие оборачиваются: «Таня, я верю! Таня, я верю!» Подбежал, обнял меня. «Таня, я верю!» — все повторяет. Мы с ним прогулялись, и он мне рассказал. Деталей я не поняла толком: не разбираюсь в таких делах. В общем, без всяких действий с его стороны буквально через несколько дней после того, как мы в соборе были, где-то какая-то произошла плановая проверка. Дело Жениного сына рассмотрели, увидели, что он не виноват ни в чем. И его освободили, судимость сняли. Он уже дома. И они с отцом сейчас в церковь ходят оба...

А я сказал:

— Татьяна Дмитриевна, а вы помните, Женя, когда работал, всегда за справедливость воевал, вечно за кого-то заступался? Пришла пора — и за него нашлось кому заступиться... «Аще Бог по нас, кто на ны?»

Валерий Серяков

РАСПИСАНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЙ

в храме святителя Тихона, Патриарха Московского и Всероссийского, на Кончаловских горах

- 1 марта Воскресенье. **Неделя сыропустная. Воспоминание Адамова изгнания. Прощеное воскресенье. Сщмч. Ермогена, патриарха Московского и всея России, чудотворца. Заговенье на Великий пост.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. 9-й час. Вечерня. Чин прощения.
- 2 марта **Понедельник 1-й седмицы. Начало Великого поста.** 9:00 Утренняя. Часы. Изобразительны. Вечерня. Лития об усопших. 18:00 Великое повечерие с чтением Великого канона прп. Андрея Критского.
- 3 марта **Вторник 1-й седмицы.** 9:00 Утренняя. Часы. Изобразительны. Вечерня. Лития об усопших. 18:00 Великое повечерие с чтением Великого канона прп. Андрея Критского.
- 4 марта **Среда 1-й седмицы.** 9:00 Утренняя. Часы. Изобразительны. Вечерня с Литургией Пржедосвященных Даров. 18:00 Великое повечерие с чтением Великого канона прп. Андрея Критского.
- 5 марта **Четверг 1-й седмицы.** 18:00 Великое повечерие с чтением Великого канона прп. Андрея Критского.
- 6 марта **Пятница 1-й седмицы.** 8:00 Утренняя. Часы. Изобразительны. Вечерня с Литургией Пржедосвященных Даров. Молебный канон вмч. Феодора Тирона и благословение колива. 16:50 Исповедь. 17:00 Великое повечерие. Утренняя.
- 7 марта Суббота. **Вмч. Феодора Тирона. Обретение мощей блж. Матроны Московской.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Панихида. 16:50 Исповедь. 17:00 Всенощное бдение.
- 8 марта Воскресенье. **Неделя 1-я Великого поста. Торжество Православия. Первое и второе обретение главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Молебное пение Недели Православия.
- 12 марта Четверг. 17:00 Исповедь. 18:00 Таинство Елеосвящения (Соборование).
- 13 марта Пятница. 16:50 Исповедь. 17:00 Великое повечерие. Утренняя.
- 14 марта Суббота. **Поминовение усопших. Прмц. Евдокии.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Панихида. 16:50 Исповедь. 17:00 Всенощное бдение.
- 15 марта Воскресенье. **Неделя 2-я Великого поста. Свт. Григория Паламы, архиеп. Фессалонического. Иконы Божией Матери, именуемой «Державная».** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. 9-й час. Чинопоследование пассивы.
- 20 марта Пятница. 16:50 Исповедь. 17:00 Великое повечерие. Утренняя.
- 21 марта Суббота. **Поминовение усопших. Прп. Феофилакта исп., еп. Никомидийского.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Панихида. 16:50 Исповедь. 17:00 Всенощное бдение.
- 22 марта Воскресенье. **Неделя 3-я Великого поста, Крестопоклонная. Святых сорока мучеников, в Севастийском озере мучившихся.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. 9-й час. Чинопоследование пассивы.
- 26 марта Четверг. 17:00 Исповедь. 18:00 Таинство Елеосвящения (Соборование).
- 29 марта Пятница. 16:50 Исповедь. 17:00 Великое повечерие. Утренняя.
- 28 марта Суббота. **Поминовение усопших. Мч. Агапия.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Панихида. 16:50 Исповедь. 17:00 Всенощное бдение.
- 29 марта Воскресенье. **Неделя 4-я Великого поста. Прп. Иоанна Лествичника.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. 9-й час. Чинопоследование пассивы.

По договоренности со священнослужителем в храме совершаются таинства крещения, венчания, соборования, а также отпевание в храме, панихиды и литии на могилах. Возможны освящение транспортных средств, квартир, причащение и соборование болящих на дому, молебны перед началом добрых дел, путешествий и т.д. Телефон священника: **8 (484) 39 4-75-15, 8 (903) 109-35-66.** Электронный адрес: hram_st@obninsk.ru.

Проезд до храма святителя Тихона на авт. №№ 2, 3 до остановки «Кончаловские горы».

ПАЛОМНИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА

по благословию духовника Свято-Пафнутьева Боровского монастыря

НА СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ (ИЗРАИЛЬ)

С 29 АПРЕЛЯ ПО 6 МАЯ

Запись по телефону: 8 (903) 109-35-66 (священник Павел Синицын)

«ТИХОНОВСКИЙ БЛАГОВЕСТ»

Вестник выходит один раз в месяц. Распространяется бесплатно. Желающих оказать помощь в распространении газеты просим обращаться к настоятелю.

Учредитель вестника:

Местная православная религиозная организация, приход храма свт. Тихона, Патриарха Московского и Всероссийского, г. Обнинска, Калужской области

Ваша помощь

на издание вестника:

Карта Сбербанка
5469 2200 1414 3660

Главный редактор:

протоиерей Павел Синицын

Корректор: Ирина Санникова

Верстальщик: Марина Верхозина

Калужская обл., г. Обнинск,

Кончаловские горы

Телефон: 8 (484) 394-75-15

E-mail: hram_st@obninsk.ru
www.hram-st.obninsk.ru